

И ценности моей жизни

■ В ЧЕТВЕРГ ПО УТРУ С ГРИГОРИЕМ ЧХАТИШВИЛИ

Когда мы только договаривались о встрече, он принялся описывать свою внешность: что узнали. Да так чистосердечно, что было даже как-то неволово перебивать: «Григорий Шалвович, да мы, слава богу, уже успели выучить, как вы выглядите».

Что поделаешь? Это когда Чхатишвили был японистом, переводчиком, автором масштабного труда «Писатель и самоубийство» и зам. главного «Иностранной литературы», его узнавали только избранные. С тех пор как он стал модным Б. Акунином, автором нескольких детективных серий, его лицо успело примелькаться. Так что неудивительно, что, будучи опознанным и представленным редакции, Чхатишвили перво-наперво тяжело вздохнул: «Чаще всего мне задают одни и те же вопросы. Признаться, я уже не могу отвечать на них всерьез. Можно, я начну обманывать прямо с вашей газеты?»

Мы разрешили.

Общая сумма: - 2000. -
— 9-15 копейки, — с. 10

квалифицированного читателя. И это именно тот вид литературы, которым мне интересно заниматься.

В том числе и потому, что в литературной работе мне всегда импонировала игра. Я вообще люблю всякие игры. В детском саду больше играл в дочки-матери: меня привлекало общение с противоположным полом. Потом играл в карты, в компьютер. Игра на деньги — то же самое что писать массовую литературу: нельзя задумываться о выигрыше, это сковывает. Интересен должен быть сам процесс. У картежника Н.А. Некрасова была замечательная теория: никогда не играть на деньги, необходимые для жизни. Он заранее отводил на проигрыш какую-то часть своего годового дохода, «армию», которую готов был потерять до последнего солдата». Именно поэтому Некрасов все время выигрывал. А Достоевский, не придерживавшийся этого правила и игравший на последнее, проигрывал.

Но играя я люблю только в литературе. Мистификаций в жизни мне чужды. Однако, несмотря на моральную готовность к тому, что знакомые встретят мой проект шутками и издевательствами, до поры до времени я скрывал свое автоТворчество. Мне было важно дождаться выхода моей книги «Писатель и самоубийство». Я верю в то, что все истории, как все мелодии, уже существуют, надо только их правильно нащупать. У меня нет проблем с сюжетами, они у меня лежат из головы, как из мясорубки, только успевай подбирать. Проблема с тем, чтобы не повторяться, не петь на сковородке.

— ВРАТЬ так врат — политический деятель, имеющий

ключевое значение для моего проекта. Как в XIX веке каждый порочный человек, живущий в России, должен был быть хоть немножко анархистом, так, мне кажется, анархизм совершенно необходимо нынешнему состоянию русской литературы. Анархизм моего проекта в том, что в нем в одну кощу смешиваются два жанра: низкий и высокий. Один — бульварный, другой — борущий начало в русской классике. Создано это для того, чтобы серьезные люди, читая, качали головой: «Господи, что за сумбум, что за анархия, что за басни!» А на самом деле, «акунин» — по-японски значит «блудой: каждый мой роман описывает отдельный тип злодея».

Япония интриговала меня с детства. Я родился в Грузии, но считаю себя москвичом (есть такая национальность) и даже не знаю грузинского языка. Правда, недавно выяснил интересное обстоятельство: оказывается, «харты по-грузински — небольшая черная птица — не то дроzd, не то голка. А по-чешски «галька» — это «кафка». Так что я практически — «кафкаши». Отец был артилеристом, учительницей русского языка и литературы. Она очень правильно приучила меня к чтению. Сегодня один из моих друзей платит своему сыну деньги за чтение. Тот почтасчитает, а после фразы: «Ут Д'Артаньян выхватил шпагу и... захлопывает книжку и говорит: «Время кончилось». А меня мать предстегала: «Ты — вон и мир» не читай, ты еще маленький и ничего там не поймешь». И я, забросив сценки детских дел, как идиот тайком читал Толстого.

Если смотреть на Японию глазами того советского ребенка, который я был, это экзотическая и авантюрная страна. Она интриговала меня своей мистической непонятностью. Но сегодня, когда, как мне кажется, я понимаю Японию и японцев, эта страна нравится мне еще больше. Меня привлекает ее благородная сдержанность, то, что по-английски называется understatement: русской языка нет такого слова, видимо, оно противоречит национальному характеру.

Хотя пора бы уже придумать. Кроме того, мне всегда нравилось, что японцы умеют создать красоту из очень скучных средств.

Но больше я не буду переводить ни с японского, ни с английского: я слишком занялся сочинительством. Мой переход из состояния серьезного человека в состояние несерьезного человека начался с того, что однажды утром я прошнулся и вдруг сообразил, что моя дальнейшая профессиональная биография видна до самого горизонта. Я переведу еще 20 романов, стану когда-нибудь главным редактором журнала «Иностранная литература», напишу диссертацию «Сравнительный анализ понятия «красота» у Достоевского и Мисимы...» И мне все это показалось так неинтересно, что я решил попробовать жить по-другому, пока не стало поздно. Был и иной стимул — развлечь жену. Хотелось, чтобы она относилась ко мне с большим почтением.

Это случилось, между прочим, 1 апреля, три с половиной года назад. Мне было сорок. Понятно было, что ничем, кроме писания текстов, я заниматься не умею. Поэтому искать следовало все в том же литературном секторе. Для начала я скупил тогдашних бестселлеры: изучить предложение. Чтение у меня профессиональное: три-четыре страныци, и уже складывается полная картина. Прочтя все купленное за день, я понял, что есть огромный сегмент рынка, в котором никто не работает — развлекательная литература для

я не стал богатым. Но тут главное не ступиться, все должно приходить в свое время. Кроме того, богатство — понятие относительное, и зависит не от количества денег, а от самоощущения. Мне денег всегда хватало, даже когда их у меня было совсем мало.

Я пишу всего часа по четыре в день. На один роман, без отрыва от прочих производств, уходит полтора-два месяца. Но сейчас я сознательно буду писать медленнее: бояюсь исхалтуриться. Чем дальше движешься, тем тоньше нужно выливать лобзиком.

MSI

■ Кого из литераторов вы считаете своими предшественниками?

■ Как вы оцениваете нынешнее состояние русской литературы?

■ Сохранится ли институт «толстых» литературных журналов?

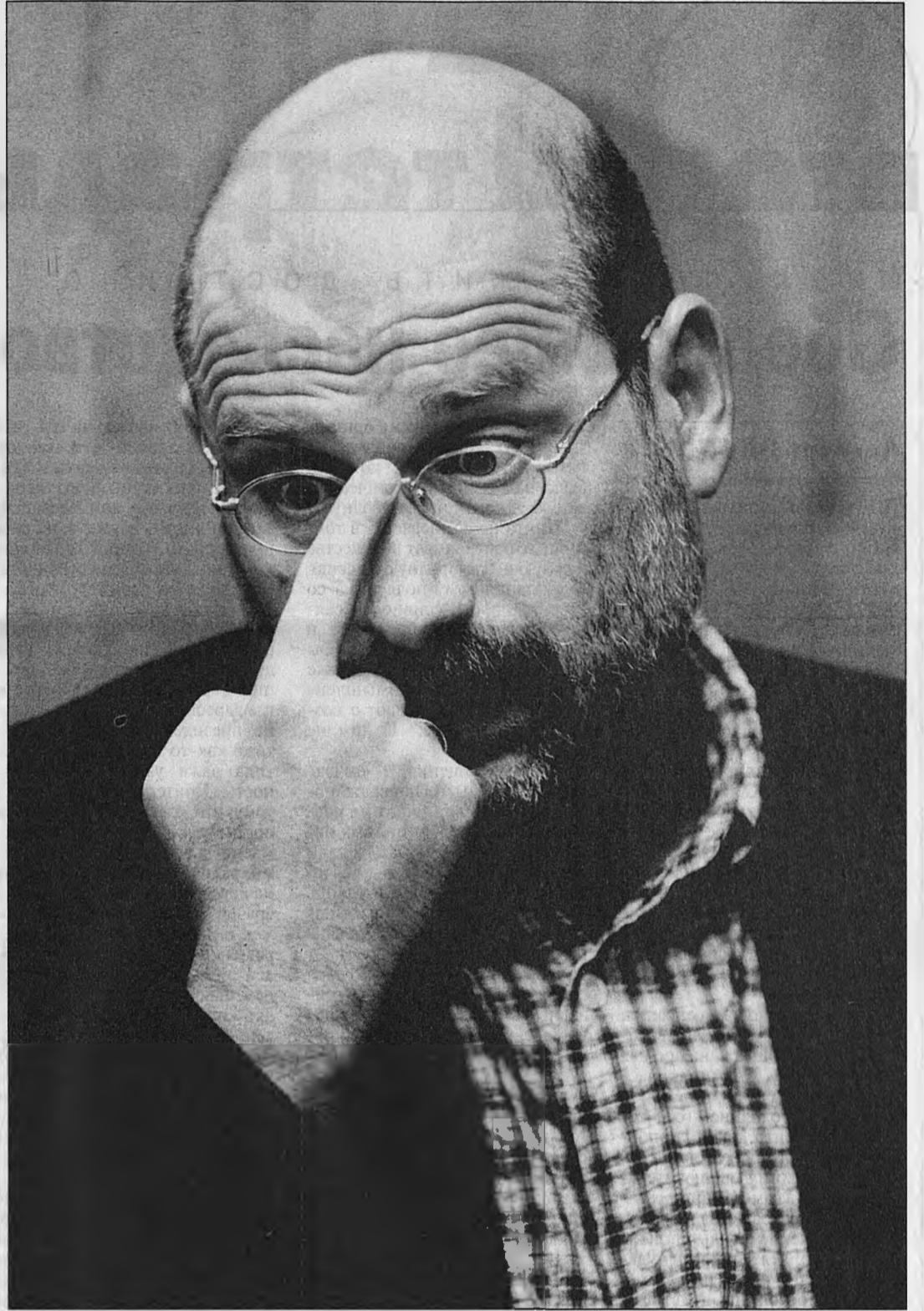
■ Интернет — угроза литературе или благо?

— Я НЕ СЧИТАЮ себя писателем. Я — беллетрист. Разница между этими терминами довольно туманна, но для себя я ее объясняю. Настоящий писатель, по-моему, пишет главным образом для себя. Ему не

нужно достояние. Их надо поддерживать. Лучше, чтобы это делали частные спонсоры, если нет — пускай это делает государство. Деньги ведь небольшие.

На мой взгляд, ситуация сегодня меняется не только в некоммерческой, но и досуговой литературе. При том выборе, который существует, читатель больше не будет покупать что ни попадя. признаюсь: как человек планового хозяйства, я, только начиная свой проект, сразу рассчитал шансы на успех. У меня получилось, что при отсутствии рекламы на внедрение моего «продукта» уйдет года три, а вероятность полного успеха я оценивал процентов в 20. Но оказалось, что я не представлял себе своего потенциального читателя. Я думал, что пишу для умников, которые в обычное время читают Дерриду, а когда у них начинают дышаться мозги, им приходит на ум взять мою книжку. Оказалось, круг моих читателей заметно шире. Понятно почему: сегодня есть потребность в такого рода литературе. Россия по-прежнему продолжает оставаться очень читающей страной, и здесь живет множество людей, для которых важен не только сюжет, но и то, как это написано.

На сегодняшний день каждая моя книжка вышла тиражом около 100 тысяч экземпляров. Длятвердой обложки это нормально. Замечу, что 90 процентов книг было продано после 1 января 2000 года. А конкуренции я не боюсь. Сочине-

Акунин — по-японски «злодей»

Как серьезный Григорий Чхатишвили стал литературным анархистом

меня дома есть огромный список имен, отчеств и фамилий. За это отвечает жена. Кстати, на днях у меня произошел поэтический случай. Актуава и Кавабата приняли сноторвное, Осаму Дадзай, анфтери и японская литература, утешались в резервуарах для дождевой воды. Думаю, это происходило оттого, что японский писатель — пишет для себя и доказывает, что необразованность, но я такую не знаю. А мне в ответ: это одна из главных героинь «Статского» и Шишкова «Взятие Измаила».

Если ему не дадут Букеровскую премию, жюри надо просто подорвать. Может быть, это лучшее, что

так важно, сколько людей его читают и сколько людей его понимают. А беллетрист пишет для публики.

Надо сказать, до недавнего времени к ремеслу сочинителя художественной литературы я относился с пренебрежительно. Хочешь что-то сказать — пиши от себя, а не подсовывай мне выдуманного Ивана Иваныча. Но недавно я вновь понял, зачем люди пишут романи. Не благодаря своим сочинениям, а благодаря роману Михаила Шишкова «Взятие Измаила».

Я отвечаю: извините, пожалуйста, за пренебрежительный жанр, я не буду экранизирована. Когда я

буду экранизирована. Когда я

буду прописана в своем первом

романе, они покрутят пальцем у виска и исчезнут. Условия у меня, действительно, серьезные. Что мне привносит сцередняя кино- или телехалтура? Ничего. Поэтому мне важно, чтобы фильмы были качественный, профессиональный, а хороши, еще и выдающиеся. Это требует определенных базовых условий. Прежде всего, в фильма должна быть достаточный бюджет.

Я выяснил, что минимальная стоимость производства серии для телесериала — четверть миллиона долларов. Обычно же снимают на коленке и тратят не больше 50 тысяч долларов. Потом, у меня такое впечатление, что самое слабое место всей нашей кинопродукции — это сценарий. Я поставил условие, что писать буду только сам и не позволю вносить в сценарий изменения без моего согласия. Еще я заявил, что сам буду выбирать режиссеров и главных исполнителей.

Первыми на эти наглые условия согласились на ОРТ: уже подписан контракт на сериал «Азазель».

Снимать будет Александр Абашвили. Сценарий уже одобрен. Была очень комичная сцена, когда после торге с подписанием договора Константин Эрнст спросил:

— Ну хорошо, какого вы хотите актера и какого вы хотите режиссера? А я же в кино не хожу!

Пришлося просить список режиссеров, а если они окажутся незнакомыми, то и кассеты с фильмами. С актерами,

переговоры не получились. На сайте «Фандорин!» уже идет народный кастинг: претенденты на роль Эрнста Петровича присыпают свои фотографии нечеловеческой красоты. Советую посмотреть.

В Интернете я общуюсь с читателями. Вообще, на мой взгляд, алияние Интернета плодотворно:

всего лишь разделяет литературу во вторых, вызывает интерес к литературному творчеству, разрабатывает эту мышцу.

И хотя в основном в Интернете плавает графомания, там встречаются и талантливые тексты, кото-

рый иначе было бы трудно прорваться и переродиться во что-то более серьезное. По-моему, это очень питательная и полезная среда. Конечно, там можно прочесть и про наркотики, и про то, как покончить с собой. Но что делать? Вопрос о нравственной ответственности литературы мне кажется

сомнительным и чреватым цензурой. Литература вообще дело опасное и вредное. Любое живое слово может быть как лекарством, так и ядом. Но взрослая литература в принципе пишется для людей ответственных, способных принять решения.

Мне вообще кажется, что в скромном времени бумажная книга сдохнет. И слава Богу, леса будут целые. Уже лет через пять-девять человечество перейдет на электронные книги, и это будет чудесно: дома освободится множество места и не надо будет дышать пылью. Сегодня у меня правило: дома 24 книжных полки, когда я покупаю новую книгу, одну старую выкидываю. А так у меня дома будут стоять 4 электронных книги: маленькая, для дорог, большая, с атласами картинами, одна сплошь энциклопедическая книжка для жены.

или Лондон, по-моему, сильно похоже. В Москве жило очень много людей, и все они под нами похоронены. То, что они чувствовали и думали, не исчез, а растворено вокруг. Мегаполис, где мертвых больше, чем живых, на свете не

меньшего.

Кстати говоря, на последних

выборах я впервые в жизни —

голосовал за Явлинского.

Я знаю, что он выиграл, но считал важным,

чтобы либеральная оппозиция, ко-

торую он олицетворяет, получила

как можно больше голосов. Не по-

лучилось. И сейчас я уверен, что

«под Путиным» нам жить еще во-

семь лет. Любой политический ли-

дер представляет собой пирамиду,

которая под ним вырастает. Эту

пирамиду строить с места очень

трудно, особенно если в стране не

будет катаклизм и насилие этой

страны будет заинтересовано в

преемственности.

Национальная идея — не поли-

тический курс, который может ме-

няться, а некий нравственный ка-

мертон, и его не придумаешь.

В конце концов тот моральный ко-

декс, который содержится в произ-

ведении русской классической

литературы: Толстого, Достоев-

ского, Чехова, способен объедини-

ть любовь и страсть.

Национальная идея — это

политический курс, который может ме-

няться, и меняется

каждый год.

Но я очень хорошо знаю старую

Москву и в значительной степени

она выдумана.

А вот русская исто-

рия, начиная с реформы Александра II и до революции, как истор-

ии, национальной идеи.

На сегодняшний день я уверен, что

«под Путиным» нам жить еще во-

семь лет. Любой политический ли-

дер представляет собой пирамиду,

которая под ним вырастает. Эту

пирамиду строить с места очень

трудно, особенно если в стране не

будет катаклизм и насилие этой